

Олимпийский чемпион Кровопусков: Когда умер сын, я запил, но взял себя в руки

Один из самых титулованных российских фехтовальщиков рассказал Лайфу о том, кто повлиял на его решение связать свою жизнь с саблей, почему на соревнованиях смертельные раны не были редкостью, как он отказался от американского паспорта и о трагедии, которая до сих пор не укладывается в его голове.

Он был кумиром молодёжи, его знали и уважали как большого спортсмена и человека, а сейчас он — живая легенда. Знакомьтесь, Виктор Алексеевич Кровопусков, четырёхкратный олимпийский чемпион с вполне, как оказалось, миролюбивой фамилией.

Фото: из личного архива Виктора Кровопускова

— Мне на глаза как-то попало моё свидетельство о рождении, — вспоминает Виктор Алексеевич. — Там было написано, что мои родители из Липецкой области Донковского района. То есть они земляки, корни мои оттуда. Кто-то говорил, что я из казачьего рода. Да вроде не из казаков, но река Дон там течёт. Точно, помню, мы ходили купаться на Дон. Что касается моей фамилии, то мне не раз звонили исследователи имён спортсменов, спрашивали, не было ли в моём роду докторов. Просто в старину врачей называли кровопусками, потому что они часто лечили своих больных кровопусканием. Фамилии же давали по профессии. Так что мои предки людей по большим дорогам не грабили и не резали. *(Смеётся.)*

Номер телефона Виктора Алексеевича, героя двух Олимпиад, мне любезно подсказали в Федерации фехтования России. Поговорить со мной, так сказать, за жизнь, Кровопусков не отказался. Мы договорились встретиться возле станции метро "Речной вокзал".

— Первый вагон из центра, — пояснил Виктор Алексеевич. — В час дня.

На место встречи я приехала за полчаса. Стою, переживаю, а вдруг не узнаю. Приглядываюсь ко всем мужчинам, подходящим по возрасту и внешним данным. Ровно в час я увидела, как бодрой походкой ко входу метро движется седовласый мужчина в одежде с... символикой сборной России. Я невольно улыбнулась: "Спасибо за помощь". И уверенно пошла ему навстречу. Чемпион пожал мне руку и предложил прогуляться. Так мы оказались в красивом парке, где отдыхала молодёжь и мамочки с детками. В общем, атмосфера располагала к доверительной беседе.

— На пьедестале в олимпийском Монреале чувствовал себя опустошённым, уставшим, впрочем, не так уж я сильно и устал, — вспоминает 67-летний Виктор Алексеевич. — Это были мои первые Игры, но к тому времени я уже был многоопытным бойцом, всё-таки 28 лет исполнилось, за плечами были чемпионаты мира и другие международные турниры. Но Олимпиада накладывает свой отпечаток, каким бы опытным спортсменом ты ни был. Свой первый бой на Олимпиаде я проиграл. Испугался и подумал: "Зачем я вообще сюда приехал?". Поэтому во время остальных боёв таких ошибок, как в первом, уже не допускал.

Я был вторым на чемпионате мира в личном первенстве, золотым призёром в команде, а на Олимпиаде в Монреале я впервые выиграл индивидуальный турнир. Конечно, я был горд, стоя на пьедестале. Думал: "Ну наконец, свершилось". Я долго стремился к сборной и к олимпийской медали. Наверное, в тот момент я ещё до конца не понимал, что стал первым.

По словам Виктора Алексеевича, у него было счастливое советское детство. В семье он был самым любимым ребёнком.

— Я был единственным в семье, — вспоминает детство Кровопусков. — С папиной стороны — самым младшим внуком, с маминой — самым старшим, поэтому меня очень баловали как первенца и младшенького. Родители были из многодетных семей. Отец — восьмой ребёнок, у мамы в семье было пятеро детей, она самая старшая. Папа работал простым шофёром, за плечами которого были Финская война и Великая Отечественная. Мама работала на ткацкой фабрике "Красная роза", которая сейчас в центре Москвы находится. Мы жили на Зубовском бульваре в комнатке в пять квадратных метров на последнем этаже. Позднее, в 1957 году, мы получили комнатку в шестнадцать метров около стадиона "Лужники", и этот переезд круто изменил мою судьбу. Кроме как стадиона, рядом ничего не было. Я ходил на стадион, играл в футбол, как все обычные дети. Рядом была Усачёвка, что-нибудь слышали про усачёвскую шпану?

— Нет, ничего! — развела руками я. — Вы были хулиганом?

— Наоборот, я был примерным пионером. Меня даже в пионеры принимали в Музее Ленина.

Когда я пришёл в "Лужники" записываться в секцию, мне сказали, что возраст у меня критический, 13 лет. А пришёл я потому, что увидел объявление возле школы о наборе в секцию фехтования. Мы с моим другом Сашей в то время зачитывались книгами про гусаров и мушкетёров, вот и подумали: "А чем мы хуже?". В спортивной школе были все виды: рапира, шпага и сабля. Нам же сказали, что мы будем тренироваться с саблями. "Сабля? Это здорово!" — подумали мы. Сабля звучит куда круче, чем та же рапира. Шпага ещё более или менее.

После года обучения что-то случилось с моим первым тренером Игорем Чернышёвым, он ушёл из фехтования. К нам в школу пришли другие тренеры. Меня, как самого возрастного спортсмена, отдали молодому специалисту Льву Корешкову. Друг Саша, с которым мы до сих пор дружим, в фехтовании не остался, после восьмого класса он ушёл в художественное училище.

— **А почему вы остались?**

— Спасибо Льву Корешкову. Он очень верил в меня, искренне верил, что я смогу добиться успеха. Лев Серафимович, как сейчас говорят, разглядел во мне талант, привил мне любовь к этому виду спорта. Именно благодаря ему я остался в фехтовании. Конечно, у меня был вариант продолжить заниматься футболом, так как я посещал специализированную секцию в "Лужниках". Раньше же тренировались не каждый день, а три раза в неделю. Так вот, три раза в неделю у меня были футбольные тренировки и три раза в неделю — фехтование. Но потом изменились дни тренировок, некоторые занятия наложились друг на друга, поэтому мне пришлось выбирать. Я выбрал фехтование.

— **Может быть, российский футбол потерял высококлассного спортсмена?**

— Вряд ли!

В 20 лет я выиграл юниорский чемпионат мира, в 25 попал в сборную и в своих первых соревнованиях уже дрался, а не сидел на скамейке. За всю свою спортивную карьеру, а это примерно 13 лет, я пропустил только один год. В 1977 году я порвал ахилл. Впервые я попал за границу на Кубу! Раньше проходили такие соревнования. Турнир социалистических стран — экзотика! Но я мало тогда что понимал по большому счёту. Это был мой первый международный турнир как раз перед молодёжным чемпионатом в Лондоне. У меня долгое время была проблема. Когда я попадал в финал,

считал, что уже победил, что всё, добился желаемого, что за первое место драться необязательно! Финал — это ведь и так уже престижно.

Я дрался, конечно, но у меня не получалось. Все удивлялись, что я не очень расстраивался. Мол, с него как с гуся вода, через день он уже не переживает. А потом, наверное, тренеры заставили меня поверить в себя и в то, что я могу быть первым.

В 1967 году я ушёл в ЦСКА к Давиду Тышлеру и до 1973 года тренировался у него, пока специалист не занялся научной деятельностью. В это время Марк Ракита закончил активные выступления в спорте и хотел заняться чем-то другим, не связанным с фехтованием. Я остался без тренера, и Давид Абрамович как-то уговорил Марка (а для меня он Марк, а не Марк Семёнович) заняться мной. Именно тогда образовался смертельный для противников тандем!

— Значит, в том, что вы, наконец, начали побеждать в финалах, заслуга Ракиты?

— Помните, были времена, когда спортсмены выезжали за границу, а вот тренеры нет? Так вот, помощника на соревнованиях у меня не было: Ракита оставался в Москве. Наверное, поэтому так долго проходило моё становление. У Льва Фёдоровича Кузнецова, главного тренера, своих ребят хватало, за которыми надо было следить. Я же за границей был без личного тренера, хотя соревнования, безусловно, требуют его присутствия. Потом Марк Семёнович начал ездить. Но я уже к тому моменту привык, готовился к конкретным боям и настраивался по его советам, которые он мне давал на тренировках. Фехтование — это тонкая наука.

— Заграница — это как глоток свободы в то время. Что такого особенного вы делали там, чего нельзя было в СССР?

— Ну не знаю! Однажды в Гетеборге сходили в кино на фильм "Эммануэль". Я тогда был относительно молодой, но были старшие товарищи, которые меня направляли.

Помню, забавная история была с нашими туристами. В Гамбурге проходил чемпионат мира. Так вот, все прекрасно знают, что это портовый город, в котором есть "квартал красных фонарей". И когда наших туристов консультировали перед поездкой, им объяснили, что туда ходить ни в коем случае нельзя. А их взяли и поселили по ошибке именно на этой улице! В общем, и ходить никуда не надо было. Спросили их: "На какой улице вы живёте?". Ответом было: "На Репербан". В общем, и смех, и грех!

Мы, спортсмены, жили совершенно в другом месте. Когда идут соревнования, нам не до этого. У туристов же времени много! Вообще все те

люди, которые занимаются фехтованием, а потом становятся тренерами, они практически фанатики. И всегда на первом месте стоят соревнования. Я как-то приехал туристом на Олимпиаду, мне дали билеты на все соревнования. Я и говорю: "Да не надо мне на все соревнования. Я, конечно, люблю баскетбол, волейбол, моя жена — заслуженный мастер спорта по волейболу, я люблю игровые виды, но мне интересно фехтование, конкретно сабля. Дайте билеты на саблю". Все спортсмены-ветераны хотят получить билеты на тот вид спорта, которым они занимались.

— **То есть у вас на уме всегда было только фехтование?**

— Вы не подумайте, я не фанатик! Впрочем, если эту фразу прочитают знакомые, то засмеют меня. Когда я был молодой, старшим говорил, что я суперпрофессионал. Они все смеялись надо мной, подначивали: "Ну ты! Суперпрофессионал". В молодости я не отличался дисциплиной, конечно. Постепенно всё изменилось.

Вообще у нас была дружная команда. Подначивали, шутили, но по-доброму. Никакой дедовщины. Мы ведь в те годы все вместе тренировались: и те, кто занимается саблей, и те, кто шпагой, и те, кто рапирой. Это сейчас у каждого вида свои тренировочные базы, а тогда все тренировались в одном зале. Народу много было, да и залы были не такие большие, как сейчас.

— **Тогда не было шикарных условий для тренировок, но команда СССР была одной из самых сильных в мире. Как так получалось?**

— Играли роль сразу несколько факторов: с нами работали талантливые тренеры, у всех спортсменов была огромная работоспособность плюс, конечно, невероятная сила духа. К тому же, мы все были очень дружны. Гриша Крисс, например, подарил мне первые мои фехтовальные туфли, импортные. Мы и сейчас, когда приезжаем к украинцам, видимся и прекрасно общаемся. Тогда ведь мы все были вместе, все республики. И в каждой из них было по спортсмену. В Эстонии была, например, очень сильная школа.

— **После событий на Украине отношения с товарищами по сабле не изменились?**

— У меня к ним отношение не изменилось. У некоторых, бывает, проскальзывают нотки, но это вполне естественно. Они живут в тех местах, где не стоит афишировать свои политические взгляды.

Есть в биографии Кривопускова и ещё один интересный факт. Олимпийский чемпион учился в Институте инженеров железнодорожного транспорта, но ни дня не проработал по специальности.

— Я и не собирался становиться инженером, — признался Виктор Алексеевич. — Раньше школами не выступали, а выступали обществами. И мне как-то сказали: "Будешь выступать за "Локомотив". Мне было всё равно, за кого выступать. Первую свою призовую медаль я завоевал как раз как спортсмен "Локомотива", в 1972 году, правда, уже будучи в ЦСКА. Армейцы тогда были очень сильные: Назлымов, Сидяк, Винокуров,. И "Локомотив" попросил, чтобы я выступил за них. ЦСКА пошёл навстречу. Когда я окончил школу, передо мной встал вопрос, куда поступать. В Институт физкультуры я не хотел. В общем, пошёл в МИИТ. Сначала я сдавал экзамены на вечернее, поступил на факультет "Вагоны и вагонное хозяйство". Потом мне сказали, что надо перевестись на дневное, на какой-то очень крутой факультет. И там я учился до 1973 года.

— **Прямо-таки учились?**

— Да не учился, конечно! Я не ходил на занятия вообще. Но на это закрывали глаза, так как я был кандидатом в сборную команду СССР, давал результат. Это было престижно, что студент имеет такие спортивные успехи. Меня не выгнали, я сам ушёл, не доучившись. Мой тренер Давид Тышлер стал завкафедрой в Институте физкультуры, ему нужны были люди с именами, и он попросил меня перевестись к нему.

Я пришёл к руководству железнодорожников, забрал документы и начал объяснять, что я никогда не буду работать по специальности. Они обиделись, спросили: "Разве к тебе плохо относились?". "Да хорошо относились, — ответил я. — Но вы меня тоже поймите. Я разве по своей воле так решил?". Мы расстались мирно...

— **Ни одного конспекта у вас не осталось?**

— Я их и не писал! Точнее поначалу писал, думал, что всё-таки надо учиться. В школе же я учился хорошо, был практически медалистом. Мне нравились история и химия.

По словам Кровопускова, фехтование только со стороны кажется относительно безопасным видом спорта. Как человек, всю свою жизнь посвятивший сабле, Виктор Алексеевич не понаслышке знает, к чему может привести стандартный выпад противника.

— К сожалению, история знает трагические случаи. В 1982 году на чемпионате мира в Риме погиб олимпийский чемпион Владимир Смирнов. Человека проткнули насквозь. Только после этого случая начали делать новое оружие, которое не ломается, а просто разлетается в стороны. Так называемый мараген. Стали обращать внимание на защитные курточки. У нас ведь как? Пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Владимира Лапицкого проткнули на московской Олимпиаде, но он, к счастью, выжил.

В общем, растяжение или даже разрыв связок — это тьфу. У меня, например, был разрыв ахилла в 1977 году. Но тогда лечиться не ездили за границу, в Израиль. Меня положили в первый диспансер к ученикам Зои Мироновой, они потом стали ведущими хирургами. Меня быстро поставили на ноги. В декабре я уже дрался на Кубке СССР.

Кровопусков должен был поехать на Олимпиаду в 1972 году в Мюнхене, но не сложилось.

— Это всё конъюнктура. Ко мне подошёл Сидяк и сказал: "Ты не поедешь на Олимпиаду". А я ведь усиленно готовился к Играм. "Если поедешь тренироваться в Белоруссию и, соответственно, выступать за Белоруссию, тогда поедешь на Игры". Я — москвич, куда я поеду? Я отказался! А человек, который поехал, очевидно, дал согласие, но в итоге всё равно на Олимпиаду не попал, а позднее перешёл к другому тренеру.

— **Вы патриот...**

— Дело даже не в том, что я патриот Москвы. Я не хотел уходить от своего тренера. Я же спросил тогда: "А у кого я буду тренироваться?". Мне объяснили, что на сборах я буду тренироваться со своими наставниками, а в остальное время — с другим специалистом. Ага! Бегу и падаю!

— **Сейчас люди готовы выступать под белым флагом, лишь бы попасть на Олимпиаду, а вы вот так отказались от возможности поехать в Мюнхен.**

— Это спорный вопрос: хорошо спортсмены поступают, отказываясь выступать под флагом своей страны, или плохо. Понимаете, у некоторых атлетов часто бывает только один шанс выступить на Играх. Они же не виноваты, что кого-то поймали на допинге. Они готовились, работали, а тут такое! Решение наказать всю легкоатлетическую команду из-за нескольких человек мне кажется неправильным. Они говорят, что каждый отвечает сам за себя, и в то же время дисквалифицируют всех. Противоречие... Согласно Олимпийской хартии, спорт — это соревнование конкретных спортсменов, а не стран.

Фехтовальщикам, по словам олимпийского чемпиона, допинг не нужен. Но были случаи, когда спортсмены прибегали к хитрости, чтобы победить. Так, пятиборец Борис Онищенко был пойман на жульничестве на турнире в Лондоне. Как говорят специалисты, он — гениальный фехтовальщик и так выиграл бы, но решил подстраховаться. В рукоятку шпаги спортсмена была вмонтирована потайная кнопка, нажатием которой он в любой момент мог замкнуть цепь, которая фиксирует на табло нанесение укола. В один прекрасный день тайное стало явным. Разгорелся страшный скандал, и по

окончании второго дня турнира Онищенко дисквалифицировали, а вместе с ним и всю сборную СССР.

— Это было, конечно, конкретное жульничество, — вспоминает Кровопусков. — Был очень большой скандал. Стали говорить: "Вот, ваш попался на мошенничестве". Но извините, не надо путать пятиборье и фехтование. С таким же успехом пятиборца можно назвать легкоатлетом, так как он кросс бегаёт, или пловцом. В принципе, в фехтовании такие вещи тоже случались, были умельцы, которые подсоединяли какие-то проводки.

— На Олимпиаде в Монреале чувствовали особую ответственность? Всё-таки первые Игры в карьере.

— Люди не меняются. Все соперники одни и те же. Ты встречаешься с ними по несколько раз в год. Конечно, груз ответственности всегда давит, но надо просто забыть, что это Олимпиада, и готовиться к конкретному бою. Мне так тренеры говорили: работать поэтапно, думать не о победе, а о следующем сопернике.

В финале, например, я встретился с Альдо Монтано, папой олимпийского чемпиона. Мы с ним одногодки, дрались в финале на юниорах, друг друга знали прекрасно. Мы встречались перед олимпийским финалом не единицы, а десятки раз. Просто бывают удобные соперники, а бывают неудобные.

— Альдо был удобным соперником?

— Итальянцы всегда были для меня удобными соперниками. Хотя, конечно, я тоже проигрывал Монтано. Фехтование — это такой вид спорта, где самый слабый может выиграть у самого сильного. В теннисе, например, есть время понять и разобраться в ситуации. В фехтовании бой длится в среднем две-три минуты. Нет времени на анализ. Играет роль знание соперника, мастерство, внимание. Даже коронные приёмы не всегда спасают. Сегодня ты использовал какой-то приём, а завтра о нём все соперники знают и готовы его отразить. У меня было две коронные фишки, но потом я их забросил: к ним мои соперники уже были готовы.

— К той встрече с Альдо вы подошли более подготовленным?

— Понимаете, есть в фехтовании инициаторы, а есть те, кто фехтует от ситуации. Я всегда был инициатором. А есть люди, которые сидят в засаде и ждут удобного момента. Если со мной спортсмен начинал фехтовать по моим правилам, я выигрывал — 5:0, 5:1. Со мной надо было фехтовать по-другому. Впрочем, я и сам мог иногда в засаде посидеть. *(Смеётся.)*

— В Монреале вы обошли своих партнёров по команде, стали первым. Как они это приняли?

— Это надо у них спросить. Вряд ли они были рады своим местам. Вообще неприятно быть вторым. У меня был перебой в 1979 году: проиграл в финале на чемпионате мира. Мне кажется, меня засудили. Тогда вообще легко можно было это сделать. Это сейчас за боем следит два человека, один на дорожке, другой за монитором. Мне тогда сказали: "Витёк, ну ты чего? Выиграл же товарищ по команде". Мне от этого легче не было... Ну да ладно, вернёмся к Играм в Монреале. Для меня это была первая Олимпиада. Деревня как деревня, 24 дня там жил. Мы тренировались все вместе. Лев Фёдорович Кузнецов, главный тренер, обычно делал построение, и опоздать на него никак нельзя было, но случалось... Я, признаться, никогда никого не закладывал. Сам тоже иногда опаздывал, но в принципе мы были дисциплинированными ребятами. Дисциплину, я считаю, детские тренеры должны воспитывать в своих учениках с самого начала. Спортсмены должны знать, что надо вовремя приходить на тренировку, вовремя подходить к приёму пищи, не опаздывать к отбою.

Многократный чемпион мира, Европы и Олимпийских игр Виктор Кривошусков (слева) и тренер сборной команды СССР Марк Ракита.

Международный турнир "Московская сабля". Фото: © РИА Новости/Игорь Уткин

— **Что смогли купить на премиальные после успеха в Монреале? Машину, может быть?**

— На машину не хватило бы. За золото в личном первенстве нам давали где-то 2500 рублей плюс 80 процентов от суммы за золото в команде. После Игр в Москве премиальные были, конечно, значительно выше — около 4000 тысяч за золотую медаль. В этом случае уже можно было задуматься о покупке машины. Но тогда передо мной стояла другая задача: обставить жильё. Мне дали трёхкомнатную квартиру в районе трёх вокзалов.

— **Какая у вас была первая машина?**

— Мой отец, как участник Великой Отечественной войны, мог купить себе машину. Купил, естественно, я. Откуда у отца деньги? Это был "Москвич-412", потом были "Жигули", потом ещё одни "Жигули". После Монреаля я купил "Волгу"... но водить я до сих пор не умею. Моя вторая жена водила машину, отец — профессиональный шофёр — учил меня водить, но я так и не сел за руль сам. Права мне сделали: помогли знакомые ребята в милиции.

Нынешнюю сборную саблистов России возглавляет французский специалист, и Кривошусов согласен с его методами работы.

— В сборной саблистов сейчас главный наставник француз Кристиан Бауэр, и дисциплина у него на высшем уровне. Если человек опоздал, он даже с ним разговаривать не станет: "Ты чего пришёл? Давно должен уже быть в зале!". И это правильно, как мне кажется.

— **Шансы у саблистов в Рио есть?**

— Очень хотелось бы, чтобы у нас была золотая медаль в команде. Шансы есть. Хочется, чтобы они превратились в реальное золото.

А потом у меня права отобрали. Точнее, не у меня, а у моего товарища, который любил ездить с моими правами и часто представлялся Кривошусовым. Мы похожи с ним. Как-то остановили нас, мы вместе ехали, друг показал мои права, а сотрудник милиции говорит: "Виктор Алексеевич, сабля с вами?". В общем, прав нет. Хочу научиться. Да, наверное, уже поздно. Мне ездить некуда, а так, если надо, ученики возят. У меня прекрасные отношения со спортсменами.

— **Вы тренируете сейчас?**

— Я считаю себя тренером-консультантом сборной команды России. Работаю там, где прикажут в федерации. Мне говорят приехать на сбор, я и приезжаю. Могу продемонстрировать всё что угодно. Конечно, не с такой скоростью, как раньше. Когда ко мне обращаются с вопросами, я всегда дам совет.

— Перед Олимпиадой в Москве начальство сильно наседало? Мол, только победа, смотрите у нас!

— Как вам сказать? Помню, на Играх в Москве проиграли первую встречу румынам. Что тут началось! Подходили люди, не имеющие никакого отношения к фехтованию, и пальчиком грозили: "Чего это вы проиграли? На Дальний Восток захотели?". Я офицер, взрослый мужчина, мне было 32 года, а меня тут учить надумали. Вообще команда у нас была очень солидная тогда, все звёзды. Сидяк уже был трёхкратным олимпийским чемпионом. Все, конечно, хотели, чтобы СССР был впереди, и мы тоже.

Мы тренировались и жили не в Олимпийской деревне, а в Новогорске. Когда команда живёт отдельно, ответственность не так сильно давит. Ты словно на обычных сборах находишься. Нынешний тренер по сабле так же считает: ничто не должно отвлекать команду от тренировок.

Так, полностью сосредоточившись на тренировках и соревнованиях, Виктор Кривошников завоевал на Играх в Москве две золотые медали — в личном и командном первенствах.

— После соревнований нам предложили пожить в Олимпийской деревне. Тем более мы все там числились. Коля Алёхин, мой товарищ, воспользовался предложением, а я, москвич, предпочёл остаться дома. В деревню приезжал, только чтобы покушать, продуктов набрать. Повара только рады были. Когда я получал квартиру, мне, кстати, предложили вариант именно в Олимпийской деревне, причём с мебелью, но я отказался: это не мой район. Это было не очень удобно для меня с точки зрения транспортировки: машину я не вожу, а метро там не было. Я же тренировался в ЦСКА и работать планировал там же.

— Вы уже женаты были на тот момент?

— Да, у меня уже ребёнок был. Мы жили на Большой Спасской улице. Помню, забавный случай был. Когда мы культурно отдыхали с друзьями дома, двухлетний сын Алексей вышел на балкон и выстрелил из газового пистолета, который я приобрёл по случаю. Через некоторое время в дверь позвонили. Открываем, а там милиция. "Из вашего окна стреляли", — сказали сотрудники. "Не может быть", — стал отнекиваться я. Сын выглянул в этот момент и сказал: "Папа, здорово я бабахнул". Отпираться не было смысла, тогда я сказал: "Ребята, с вами разговаривают три золотых медали и

одна серебряная. Неужели вы нас в отделение заберёте?". Тогда спортсменов очень уважали, сейчас уважают, а тогда вообще... Со словами "будьте аккуратнее" милиционеры ушли.

Алексей

Когда речь зашла о сыне, Виктор Алексеевич заметно погрузился. Вроде бы и со смехом рассказывал историю про пистолет, но потом как-то резко поник.

— Нет у меня больше сына, — прошептал Кровопусков. — Нет моего мальчика. Сердце... У меня только внучка Даша в Белоруссии. Видимся не очень часто, но когда я езжу к другу или вообще по делам, то, конечно, встречаемся. Даше уже семь лет. Её мама — теннисистка, тренер. Тётя тоже тренер по теннису. Наверное, и внучка подаётся в теннис. Алексей же был хорошим хоккеистом...

— **Алексей — назвали в честь своего отца?**

— Нет, так жена назвала. Я был безумно рад, когда у меня родился сын. Я мечтал об этом. Пришёл в роддом, чтобы поздравить, а жена говорит: "Ты ко мне пьяный не приходи". И мы с друзьями праздновали дома.

Лёша был хорошим мальчиком, добрым, отзывчивым, хорошим товарищем, бойцом. Он захотел стать хоккеистом, я не стал его отговаривать. Он играл в молодёжной сборной, завоевал серебряную медаль на чемпионате мира. Два года назад у него остановилось сердце. До сих пор в голове не укладывается. Огромное горе, если ты переживаешь своих детей.

Алексей Кровопусков не был выдающимся хоккеистом, не играл в НХЛ, но он был настоящим товарищем, бойцом по натуре, как и его отец. За свою карьеру нападающий с громкой фамилией успел поиграть в разных клубах:

выступал за ЦСКА, новокузнецкий "Металлург", "Витязь", ТХК, "Кристалл", "Титан", ХК МВД, "Трактор", белорусские клубы "Юность" и "Гомель", а также за "Донбасс". Но однажды его сердце остановилось... Ему было всего 35 лет.

— Когда Алексей умер, я нашёл утешение в алкоголе. Понимаете, когда начинал вспоминать его, всё, что с ним связано, боль возникала дикая. Алкоголь заглушал на время эту боль. Но потом я взял себя в руки и больше не пью.

— **На Игры 1984 года вы не поехали из-за бойкота. Обидно было?**

— Не то слово! Это был страшный стресс. Нас пригласили в Олимпийский комитет и сказали, что мы не едем на Игры в США. Причину нашли смехотворную: якобы обеспечение безопасности будет на низком уровне. Самое обидное, что нас спросили: "Кто за?". Руку никто не поднял, а сказали: "Единогласно". Решение было принято в ЦК, поэтому сделать было ничего нельзя. Думал, что поставлю в Лос-Анджелесе жирную точку и закончу спортивную карьеру, но после бойкота решил остаться ещё на год и стал чемпионом мира.

Сейчас Виктор Алексеевич женат в третий раз. Первая супруга не имела никакого отношения к спорту, вторая была фехтовальщицей, чемпионкой СССР.

— Но она быстро решила оставить спорт, — пояснил чемпион. — Зачем заниматься фехтованием, если муж такой? В общем, она стала заниматься домом, семьёй.

Третья супруга Кровопускова — волейболистка. Именно с её лёгкой руки Виктор Алексеевич в 90-е активно работал за границей.

— Тяжёлое это было время. Я работал тренером в ЦСКА. Моя супруга играла в волейбол, а когда она закончила спортивную карьеру, ей предложили контракт в Турции. Сами понимаете, муж и жена не могут жить раздельно. Она предложила мне: "Или я возвращаюсь, или ты приезжаешь ко мне". В общем, в нашей стране был очень тяжёлый период, работы почти не было, делать было нечего, и я поехал в Турцию.

Какое-то время я был без работы, а потом пошёл в турецкий спортивный комитет, представился. Там в тот момент были довольно относительные представления о фехтовании. В общем, меня взяли тренером. Проработал там года два с половиной, потом вернулся. На международный уровень из моих учеников так никто и не вышел: сложно за два года подготовить спортсмена, способного биться на самых престижных турнирах. Но саму идею фехтования я в турецкий спорт, наверное, принёс.

Недолго работал в Египте, подготовил команду, которая отобралась на Олимпиаду 2004 года, но поехать туда у них не получилось. Я специально купил путёвку в Грецию, чтобы посмотреть на них, но не вышло. У федерации не было достаточно средств, чтобы отправить команду на Игры. Работал в Японии, подготовил двух ребят к Играм, они ездили на Олимпиаду.

В Иране я работал полтора года. Иранцы, кстати, стали чемпионами Азии. Но не те, кого тренировал я, а ученики моих учеников. Горжусь ими, молодцы! Один из учеников даже отобрался на Олимпиаду в Рио. Подготовить участника Олимпийских игр — это уже большое достижение.

— **В бизнес не пытались податься, как Алишер Усманов?**

— Он занимался фехтованием, очень неплохо фехтовал. Но я не бизнесмен, моё призвание — это спорт. Говорят: "Служу ВДВ", а я говорю так: "Служу фехтованию". Спорт формирует человеческую личность.

— **Какой опыт вы вынесли из работы за границей?**

— Я вынес одно — всё время хочется домой. Поэтому я просил, чтобы контракты у меня были недолгими. Конечно, можно привыкнуть, но всё зависит от человека. Кто-то может адаптироваться, а мне ассимилировать сложно. Я русский! Мне знакомые предлагали сделать американский паспорт, звали работать в США, но я не захотел. Там уже столько наших специалистов было, что я просто не видел смысла переезжать. Американские саблистки сейчас, кстати, самые сильные в мире. Интересно будет посмотреть их бои в Рио!

— **На Олимпиаду в Бразилию собираетесь?**

— А как же! Надеюсь посмотреть фехтование, но загляну и на другие виды спорта поболеть за своих! В сабле давно олимпийских медалей не было... Может быть, в этом году всё у ребят получится.

[Оксана Шмидт, Life, 27 июля 2016 г.](#)